

Наша история

«Антисоветскую заморскую отраву варил на кухне наш открытый враг»

Николай ЯМСКОЙ

«Отраву» — это роман «Доктор Живаго», «Открытый враг», соответственно, его автор — крупнейший российский поэт, прозаик, литературный переводчик Борис Пастернак. Ну а вся строчка — из басни другого видного поэта, вдохновенного автора советского (а теперь еще и российского) гимна, члена правления Союза советских писателей Сергея Михалкова. Басня была написана, как называется, на злобу дня. И с соответствующей этому чувству хлесткостью оперативно откликнулась на полученную 23 октября 1958 года из Стокгольма весть. В ней сообщалось, что Шведская академия присудила Борису Пастернаку свою престижнейшую в мире литературную премию. Формулировка гласила: «За выдающиеся достижения в современной лирической поэзии, а также за продолжение традиций великого русского эпического романа». Второе «за» в глазах литераторов — настоящих советских патриотов выглядело особенно вызывающе. Получалось, что за вдохновенно короткий труд по созданию «песни о главном» — всего лишь всеобщее уважение и Сталинская премия в рублях. А за «отраву» — всемирная слава, звание чужь ли не второго Льва Толстого и круглая сумма в валюте. Возмутительно!

«Смело, товарищи, в ногу!»

Об этом вопиющем безобразии советским гражданам было позволено узнать уже через два дня. 25 октября 1958 г. «Литературная газета» поместила сообщение о решении нобелевского комитета под заголовком «Провокационная вылазка международной реакции». В ней, в частности, сообщалось: «Пастернак получил «тридцать сребренников», для чего использована Нобелевская премия. Он награжден за то, что согласился использовать роль наживки на ржавом крючке антисоветской пропаганды. Наживку заменят новой, как только она прохитет. Бесславный конец ждет и воскресшего Иуду, доктора Живаго, и его, уделом которого будет народное презрение».

За «народным презрением» дело не стало. Уже 27 октября Пастернак был вызван в президиум правления Союза писателей (СП СССР), подвергнут проработке и исключен из рядов. Широкое обсуждение «поведения Бориса Пастернака в связи с присуждением» и утверждение решения президиума состоялось через четыре дня на собрании писателей Москвы. Спустя многие годы журнал «Горизонт» опубликовал стенограмму этого обсуждения. Судя по ней, уже чуть ли не в самом начале председательствующий С. Смирнов предложил обратиться к правительству с просьбой о лишении Пастернака советского гражданства. Зал рукоплескал, выступавшие дружно рвали на трибуну и на выражения не скупилась. «Подлая фигура» (В. Перцов), «поганый роман» (А. Безыменский), «литературный Власов» (Б. Полевой). После выступления 14 человек председательствующий сообщил, что имеется еще много записавшихся. Но, видимо, ощутив некоторую однообразие, предложил прекратить прения.

Сам отмеченный нобелевской премией «литературный Власов» всей этой ругани не слышал. Собравшись с утра на заседание судилища и даже добравшись из Переладина до города, Борис Леонидович почувствовал сильную сердечную боль и, собрав остаток сил, написал собранию письмо. В нем он вежливо пояснил, что присуждение Нобелевской премии — это награда всей отечественной литературе. И поэтому денежную составляющую предпочел бы внести в Фонд мира. А что касается существа, то ничто не может его заставить признать эту честь позором и облагородить таким образом за оказанную

ему честь ответной грубостью. Худителей своих он заранее прощал. И в заключение даже посочувствовал: «Обстоятельства могут вас заставить в расправе со мной зайти очень далеко, чтобы вновь под давлением таких же обстоятельств меня реабилитировать, когда будет уже поздно».

«Я Сталина не видела, но я его люблю»

Пастернака посмертно реабилитировали почти через 30 лет. А в 1958-м никто и не боялся далеко зайти в расправе. Скорее, наоборот — многие боялись не успеть. Поэтому по следам руководства Союза писателей, классиков советской литературы и многочисленных рядовых членов Литфонда в бой пошли целые трудовые коллективы. Представители некоторых из них так убедительно сокрушались, что удостоились персонального упоминания в справке для ЦК КПСС. «Когда я узнал из «Литературной газеты» об унижении и мерзком поступке Пастернака, — негодовал аппаратчик Дорхизавода товарищ Молоков, — у меня не было слов, которыми я мог выразить свое возмущение. Это поступок растленного и разложившегося человека, который оклеветал народ, выкрививший его... Это гнойник, а гнойники рвут с корнем. Я одобряю постановление президиума правления Союза писателей СССР о лишении Пастернака звания советского писателя и считаю, что его надо судить за клевету».

Чем дальше, тем больше ситуация напоминала 1937-й год, когда многие граждане без всякого выныкания в суть, но с большим энтузиазмом проклинали «врагов народа» и воспевали высокое начальство. Как тогда пылко продекларировала одна поэтесса: «Я Сталина не видела, но я его люблю».

В отношении к Пастернаку эта на столетия привитая российскому человеку способность слепо, целиком и с восторгом перепроверять свои ум и глаза высоким начальству, проявилась во всем своем уродливом блеске. В атмосфере всеобщей истерии весь поток общественной ненависти вылился на личность «литературного выкрываша». Но никто так и не коснулся содержания самого творчества.

Что, в общем-то, совершенно закономерно. Потому что роман «Доктор Живаго» в СССР почти никто в глаза не видел.

Главтецы при перестроении указывают

Впрочем, первые лица государства, всенародно избранные от какого-либо спора и потому уже давно привыкшие к безраздельному царению, романа тоже не читали.

Уже будучи на пенсии, Н.Хрущев летом 1971 г. о начале истории с романом вспоминал так: «Докладывал мне о нем Суслов, шефствовавший над нашей агитацией и пропагандой... В деталях его аргументов не помню, а выдумывать не хочу. Одним словом, недостойная вещь, печатать его не стоит. Такое решение и принял. Полагая, что на той стадии событий, кроме Суслова, никто из ответственных лиц романа не читал. Я сомневаюсь в том, что и Суслов его прочел. Ему тоже, наверное, дали справку с изложением содержания произведения на трех страничках».

Справки для Суслова по данному вопросу готовили в отделе культуры ЦК. Имеющиеся в Российском Государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) подлинники с сусловскими пометками подписаны заведующим отделом Д. Поликарповым и его заместителями. По крайней мере один из них — И. Черноуцан читал «Доктора Живаго», читал тогда. Игорь Сергеевич сам говорил мне об этом. Был ли у него специально отпечатанный (номерной) экземпляр для ответственных работников ЦК или ему предоставили копию с рукописи, которую автор предложил для издания, Черноуцан не уточнял.

Кроме двух-трех персон в ЦК и нескольких обязательных «филологов» с Лубянки многострадальный роман Пастернака также осилила маленькая группа «литературных генералов». Это были главные редакторы несколь-

ких периодических изданий, куда автор принес рукопись, да руководство писательского Союза. О всех остальных «советских читателях» вспомнили только тогда, когда возникла «утроза» вручения Пастернаку Нобелевской премии. Тогда инициативные секретари Союза писателей Сурков и Полевой внесли в отдел культуры ЦК предложение о срочном издании «Доктора Живаго». Это же лишило буржуазную пропаганду возможности поднять шум в связи с появлением нового, «лишенного» на своей родине голоса нобелевского лауреата. Тираж при этом — предельно минимальный — предлагали в продажу не пускать, а распределить по закрытой сети. Но даже такую малость инстанция сочла «неиспешообразной». Так что разъяренный хор ответственных литераторов вместе с примкнувшими к нему членами «не читавшими Пастернака» коллективами дружно хаяли человека, о котором знали только, что его «пригрозил Запад».

Союз кураторов и литераторов

На самом деле никто в чужих пределах Пастернака не пригрозил. Зато на родных просторах душили, как могли.

Начиная с середины тридцатых годов и вплоть до написания «Доктора Живаго» Пастернак находился в многолетней опале. Он был почти лишен возможности публиковать на родине свои оригинальные произведения. Советские власти раздражало в нем все: ярко выраженная индивидуальность, неординарный поэтический талант, огромное личное мужество, позволявшее ему писать и говорить правду, от которой другие в испуге отшатывались. Даже при Сталине Пастернак позволял себе публично возлагать вину на политику, которая закрывала для него все возможности издания на родине.

История с публикацией «Доктора Живаго» просто переполнила чашу авторского терпения. Рукопись этого романа Пастернак принес в журнал «Новый мир» еще весной 1956 года. А в сентябре 50-х годов Пастернак связывал эту надежду то с «освежительными вестями от теплых», то с активизировавшимися культурным обменом с Восточной и Западной Европой. Так что не его вина, что путь к зарубежному аудиенту оказался коротче.

В политических делегациях из Чехословакии и Польши, зачавших в то время в

О смерти писателя «Литературная газета» оповестила лишь на четвертый день. Да и то маленьким, давящимся от казенной скорби объявлением на последней странице: «Правление... извещает о смерти члена Литфонда... выражает соболезнование семье...»

разошлись во взглядах с автором и на роль Октябрьской революции в жизни нашего народа, и на роль той части русской интеллигенции, которая стала на сторону революции. В тех же воспоминаниях К. Симонов рассказывал, что идея написать коллективное письмо Пастернаку принадлежала ему. Он же писал черновики, в которых члены редколлегии внесли целый ряд исправлений и вставок. Несколько наиболее резких, особо болезненных для Пастернака страниц в ложном христианстве Живаго выписал своей рукой многолетний друг Пастернака, сосед по даче К. Федин.

Ну что ж! Разошлись во мнениях — бывает. Отказали в публикации — право редакции. Все остальное — детали. Вот только открывшиеся недавно свету архивные материалы ЦК КПСС показали, что в деталях-то эти и вся суть.

Оказывается, у мастеров пера из «Нового мира» были «соавторы» — уже упомянутые кураторы из отдела культуры ЦК Д. Поликарпов и его заместитель И. Черноуцан. В Архиве президента РФ сохранились их подготовленная для тов. Суслова справка. В этом подготовленном документе уже имелись все положения, которые спустя месяцы легли в основу послания редколлегии «Нового мира». А главное — содержавшее однозначное, по-директивному четкое решение: «Роман Б. Пастернака... это не только идейно порочное, но антисоветское произведение, которое безусловно не может быть допущено к печати».

Дружно, оказывается, работали кураторы и литерато-

ры с «неправильным Пастернаком!»

Однако добились только того, чего обычно добивается любая тоталитарная власть: стремились в изобилии напильник себе рабов, она в конце концов рождает и своих могольчиков.

По ту сторону «железного занавеса»

Что может быть сильнее мечты писателя после десятилетий замалчивания накопленного — и прежде всего отечественным? В середине 50-х годов Пастернак связывал эту надежду то с «освежительными вестями от теплых», то с активизировавшимися культурным обменом с Восточной и Западной Европой. Так что не его вина, что путь к зарубежному аудиенту оказался коротче.

В политических делегациях из Чехословакии и Польши, зачавших в то время в

осознавал, что уже только одним этим он бросал серьезный вызов системе. Поэтому при прощании автор романа почти пророчески сказал: «Вы меня пригласили взглянуть в лицо собственной казни».

Несколько дней спустя в Берлине Д'Анджело передал рукопись Фельтринелли, который специально прилетел за ней из Милана. Шел июнь 1956 г. Итальянскому издателю хватило две недели, чтобы ознакомиться с рукописью, принять решение и выслать контракт автору. Разговорчивость Фельтринелли, приобретшего таким образом мировые права на «Доктора Живаго», находилась в совершенном контрасте с издательской судьбой русского оригинала. Озадаченная, если не сказать переугнетенная редколлегия «Нового мира» тогда лишь тянула время, готовясь в сентябре 1956 г. дать свой ответ-приговор.

«Ты взвешен был. И оказался легким...»

После выхода романа в Италии, а потом и других странах на Пастернака обрушились так, как будто он не судьбу своего собственного творения решил, а пророчески через границу в запломбированном зубе секрет государственной власти.

«Секреты», конечно, был пренебрежительный. Что, например, должно было попортиться властью, предержавшим в многократно выраженной в романе «тройцкой» мысли о перерождении революции, о том, что на смену робеспьерам — фанатикам революции приходят тупые люди, которые «поклоняются духу ограниченности». «Каждое выделение этой молодой власти», — рассуждал герой романа, — проходит через несколько этапов. Вначале это торжество разума, критический дух, борьба с предрассудками. Потом наступает второй период. Получают перевес темные силы «приказавшихся», притворно сочувствующих. Растут позорность, доносы, интриги, ненавистничество». Ну просто курс подлинной «Истории КПСС»!

Или почему должен был обрадовать многочисленную армию посредственностей, трущихся у литфондовской кормушки, тезис одного из героев «Доктора Живаго», который в самом начале романа говорит: «Всякая стадность — приращение неадекватности, все равно верность или Соловьеву, или Канту, или Марксу. Истину ищут только одиночки».

Пастернак говорил правду. И отстаивал ее с такой степенью открытости, мужества, достоинства, о которой его сыновья коллеги из верхушки СП не могли даже мечтать.

Отсюда та мощная смесь раздражения и зависти, которая так крепко объединила в чувствах и «слепое» послушное большинство, и вполне «зрячий» классиков, официально причисленных к цвету отечественной словесности...

Проделки Большого брата

Из информации КГБ от 24 июня 1956 г. в ЦК узнали, что рукопись «Доктора Живаго» в Италии. Спустя неделю туда же пришла весть из Польши: в краковском журнале «Опinie» началась публикация глав из романа. Такое в инстанции просто так проглотить не могли. С польскими друзьями «Большой брат» из ЦК КПСС разобрались довольно быстро. Хватило подполковника посла СССР в Варшаве и визитов коллег из Союза советских писателей. После выхода второго номера журнала «Опinie» был закрыт.

Похожую систему «удушения в братских объятиях» попытались применить и против Фельтринелли. Как-никак он был человеком самых левых, даже радикальных взглядов. И шло спонсировать Итальянскую коммунистическую партию (ИКП). Под мощным давлением из Москвы лидер ИКП П. Тольятти попытался вынудить издателя вернуть рукопись в СССР. Но, видимо, запаматовав, что имеет дело не с безгласным «мешком партии», а человеком со взглядами и принципами. Да к тому же еще и сыном крупной промышленности и марксиста! Словом, после очередного нажима Фельтринелли прешлоел покинуть партийные ряды, но не отказаться от издания романа.

Тогда в Москве решили действовать с помощью добычи, которая была в их собственных руках. То есть через самого автора «Доктора Живаго». Поэтому возглавляемый лично тов. Сусловым партийный штаб затеял с Пастернаком игру в кошки-мышки. Его вдруг начали великодушно заверять, что отвернутая «Новым миром» рукопись будет «непременно» издана в Издательстве «Художественная литература» с учетом критики коллег. А главное — «для той же доработки» — потребовать от Фельтринелли вернуть рукопись.

Пастернак эту игру разгадал. И предоставил итальянскому издателю возможность довести дело до конца. На итальянском языке «Доктор Живаго» вышел в двадцатых

числах ноября 1957 г. На следующий год роман появился почти во всех западных странах. В конце 1958 г. в Голландии (Издательство «Мутон») «Доктор Живаго» вышел и на русском.

Власть была взбешена. Мало того, что ей, располагающей всей государственной мощью, не удалось подмять под себя какого-то упрямого «сочинителя». Теперь этого «какого-то», прославив на весь мир, еще и объявили Нобелевским лауреатом. Крайнюю степень «высочайшего раздражения» лучше всех выразил в своей исторической речи 29 октября тогдашний глава комсомола и будущий шеф КГБ Владимир Семичастный. Он, в частности, заявил, что «...если сравнить Пастернака со свиньей, то свинья не сделает того, что он сделал. (Аплодисменты.) Он нагадил там, где сл, нагадил там, чьиими трудами он живет и дышит. (Бурные аплодисменты.)» Далее последовало вполне официальное предложение убраться из страны. После этой речи несколько десятков студентов Литературного института провели митинг с требованием высылки Пастернака за границу. «Иуда — вот из СССР!» — плакат олин из лозунгов. На плакате был изображен Пастернак, протянувший руку со скрюченными пальцами к мешку долларов.

Нет пророка в своем Отечестве

Пастернак был на грани самоубийства. Оскорблениям высокопоставленных «свинопасов» и выхлопкам обманутой толпы он мог бы пренебречь. Но Родину покидать не желал. Да и что будет с близкими после его высылки. Их глаза преследовали его. В них была боль неминуемой разлуки и страх от грядущей тьмы.

Переступить через все это Пастернак просто не мог. И он отправил в Стокгольм следующую телеграмму: «В силу того значения, которое получила присужденная мне награда в обществе, к которому я принадлежу, я должен от нее отказаться. Не примите за оскорбление мой добровольный отказ».

Несмотря на этот шаг, запущенный на самом вершине маховик расправы был готов раскручиваться и дальше. Однако аппетит властям несколько удивил голос мировой общественности. Неприятно удивленным членам ЦК пришлось отбиться от лавины посланий всемирно известных деятелей культуры: Эрнста Хемингуэя, Джона Стейнбека, Говарда Фаста, Альбера Камю, Андре Моруа, Альберта Моравиа и многих, многих других. Письмо с выражением своего крайнего беспокойства прислала королева Бельгии. Премьер-министр Индии Джавахарлал Неру согласился возгласить движение в защиту Пастернака и лично звонил Хрущеву. Только перечеркнув руками исполненные договоры, рассыпав набросы пастернаковских текстов, заменив его блестящие переводы другими работами — словом, лишив писателя почти всех источников существования, власти оставили Пастернака в покое.

Но сколько было в этом покое горечи! Мировая культура подержала его. Но что случилось с друзьями-соотечественниками? Из памяти не ухотил визит друга Федина. Еще утром 23 октября тот явился в дом к Пастернаку и, оправдывая высокое доверие поэта немедленного и демонстративного отказа от премии. «В противном случае, — предупредил он, — уже завтра тобой займется пресса». Тогда, потрясенный мгновенным превращением друга в

«официальное лицо», Пастернак все же нашел в себе силы ответить, что ничто не заставит его плевать в лицо тем, кто оказал ему высокую честь. Федину даже не удалось уговорить жившего по соседству поэта зайти к себе на дачу. Там их поджидал специально приехавший из Москвы Поликарпов. «Поликарпов уехал взбешенный», — жаловался Федин в тот день Корнею Чуковскому.

О цене свободы и оставшихся «при своих»

Пастернак никого не упрекал. Он держал эту горечь в себе. А она — чем дальше, тем больше — отзывалась изнутри, то страшными переболями, то страшными болями в спине. Пока не взорвалась через полтора года раком горла.

О смерти писателя «Литературная газета» оповестила лишь на четвертый день. Да и то маленьким, давящимся от казенной скорби объявлением на последней странице: «Правление... извещает о смерти члена Литфонда... выражает соболезнование семье...». В своем отчете Суслову о похоронах И. Черноуцан напишет: «Было не более 500 человек...». «Неправда, — писал он потом. — Не хотел тогда возбуждать начальство. А было по крайней мере в четыре раза больше. Преследовших страх. И не побоявшихся встать под гзыбные фотокамеры...»

Смерть поэта удивительным образом обозначила важную веху в истории страны. С нее началось разложение и гниение всей советской системы.

Она же развела гонителей Пастернака на две неравные части.

Меньшая — как, например, А.Твардовский, осудивший в свое время Пастернака, или тот же И. Черноуцан — с ужасом осознала, что позволила себе стать участниками грязного и подлого дела. С этого суда над собой для них началось уже какая-то новая жизнь. Совершенно иной, беспощадный к приспосабливавшимся Твардовский стал делить совершенно другой, неприемлемый для кураторов «Новый мир». Как мог, помогал в семидесятых — восьмидесятых годах Черноуцан пробиться к зрителю фильмам А.Тарковского и спектаклям Ю. Любимова. А когда понял, что система безнадежно неформальна, страшно возбудил всю «несоветскую кормушку» своим демонстративным заявлением об «ухуде по собственному желанию».

Большинство же гонителей осталось «при своих». И даже, как, скажем, Федин, пошел в гору. В 1959 году он сменил Суркова на высоком посту главы Союза советских писателей. Правда, в 1968 г. другой советский писатель В. Каверин этот триумф сильно подпортил, бросив в адрес Федина такие слова: «Кто не помнит, например, бессмысленной и трагической, принесшей много вреда нашей стране истории с романом Пастернака? Твое участие в этой истории зашло так далеко, что ты вынужден был сделать вид, что не знаешь о смерти поэта, который был твоим другом и в течение 23 лет жил рядом с тобой. Может быть, из твоего окна не было видно, как его провожала тысячная толпа, как его на вытянутых руках пронесли мимо твоего дома?»

Да, конечно, видел! Но только что из изменивших полному искусству ради высокого чиновничьего поста, умрел от слов?

За них в наше Отечество умирали и умирают только те, кто, как Пастернак, готов сражаться за право видеть и думать по-своему...

Пастернак с Анной Ахматовой. 1940 г.